

Традиционным вопросом многих интервью стал вопрос о хобби. Журналиста Юрия Визбора спрашивать о том, чем он занимается в свободное от работы время, не нужно. Большинство читателей «МЛ» и знает нашего сегодняшнего гостя в основном благодаря разнообразным его увлечениям.

Впрочем, подходит ли здесь слово «увлечение»? Визбор «увлекся» драматургией — и молодой зритель получил ряд острых, актуальных пьес, две афиши московского театра им.

Ленинского комсомола. Еще в пору своего студенчества он был одним из тех, кто стоял у истоков современной самодеятельной песни: сейчас практически у любого туристского, альпинистского, стройотрядовского костра звучат малиновые визборовские аккорды. И, наконец, кино. После экранного дебюта в «Июльском дожде» Марлена Хуциева судьба щедро одарила начинающего актера вниманием талантливых мастеров кинематографа — Ларисы Шепитько, Бориса Фрумина, Татьяны Лиозновой.

В песнях и на экране

— Юрий Иосифович, совсем недавно мы увидели последнелетельного перерыва Вашу новую актерскую работу в телефильме «Нежность к ревущему зверю». Чем был вызван перерыв?

— Прежде всего заинтересованностью моего непосредственного начальства в том, чтобы мое «свободное от съемок время» длилось как можно дольше. Я работаю в творческом объединении «Экран» Центрального телевидения, и кроме постоянных съемочных экспедиций немало времени приходится проводить в монтажных студиях.

Была, правда, и другая причина, по которой затянулась моя очередная встреча со зрителем. Дело в том, что после роли Бормана в «Семнадцати мгновениях...» на меня посыпались предложения — и в основном с провинциальных студий — играть всевозможных извергов, пытателей и убийц. И поскольку мне было трудно соотносить себя с подобными образами, такие предложения встречали с моей стороны неизменный отказ.

— Предпочитаете играть исключительно положительных героев?

— Да нет же! Просто на отрицательные как-то не везет. Из двадцати двух моих киноролей почти все — положительные. И почти все, кстати, роли интеллигентов. Вообще, интеллигенция в кино — это мой удел. Говорят, у меня умное, интеллигентное лицо, и вот, основываясь на этом сомнительном качестве, режиссеры и строят свои предложения.

— Расскажите, как Вы пришли в журналистику?

— После школы поступил в московский педагогический институт имени Ленина и, окончив его, поехал работать по распределению. Распределили меня в маленькую сельскую школу в Архангельской области, где я преподавал русский язык, литературу, историю, биологию, географию и физкультуру. Мой педагогический стаж продлился всего несколько месяцев, но не потому, что я испытывал трудности, а просто меня призвали в ряды Советской Армии. Служил я три года на островах в Ледовитом океане, много плавал, или, как говорят на флоте, «ходил», что не могло не отразиться на тематике моего песенного творчества того времени. А после демобилизации вернулся в Москву, работал на Всесоюзном радио, потом — в редакции журнала «Кругозор». Последние девять лет занимаюсь телевизионной журналистикой.

— Есть ли у Вас, журналиста, «своя» тема?

— Да, есть. В репортажах, документальных киноочерках и фильмах я стараюсь рассказывать молодым зрителям о романтике. Только это понятие я трактую широко, для меня это не одна лишь романтика экзотических странствий, пресловутого «запаха тайги». Вот в пьесе «Автоград XXI», написанной вместе с Марком Захаровым, рассказано о ребятах, вчерашних школьников, приехавших с разных концов страны строить КамАЗ. И романтические будни новостройки дают возможность поразмышлять об ответственности молодого человека за завтраш-

ний день и о том, в частности, что мужчина должен быть мужчиной, а не голубым героем в темных очках. Кстати, один из критиков, который анализировал мое не журналистское, а песенное творчество, назвал меня «певцом мужской романтики».

— И Вы согласны с таким определением?

— Да, если, опять же понимать термин широко. В одной из ранних песен Булата Окуджавы есть такая строка: «Товарищ мужчина, а все же заманчива должность твоя!..» И поется в той песне, если помните, не о лыжном походе и не об удачной рыбалке, а о хлюпающей по бесконечным осенним лужам пехоте.

Рассказывая о «заманчивости» этой должности, мне тоже зачастую хочется вспомнить те или иные военные эпизоды. Одна моя картина рассказывает о небольшой операции, в результате которой был освобожден белорусский город Полоцк. Двадцать два гвардейца во главе с лейтенантом Григорьевым получили приказ: захватить мост и удержать его до подхода танков. Приказ был выполнен, но из отважного десанта в живых не осталось никто.

— Песня «Баллада о взятии Полоцка» была написана для этого фильма?

— Нет. Песня была написана просто под впечатлением той поездки в Витебскую область. Не скрою, была мысль: не вставить ли ее за кадром? Но показалось, что песня нарушит стилистику ленты, помешает верному восприятию. Вообще, ни в одном моем фильме нет моих песен.

— А «Военная фотография»?

— Ну, ее можно назвать единственным исключением, да и то с натяжкой, поскольку она написана вместе с Сергеем Никитиным. Эта песня звучит в одной из последних моих работ — фильме «Мурманск, 128». Названием фильма послужил почтовый адрес ледокола «Капитан Сорокин». В нем рассказано о мирных днях, о буднях моряков ледокольного флота, хотя и здесь есть один невероятный военный эпизод о том, как небольшой, практически небооруженный ледокол сумел не пропустить немецкий крейсер на Землю Франца-Иосифа...

...Окна уютной визборовской квартиры выходят на шумное Садовое кольцо. Здесь как-то по-особому воспринимаешь развешенные на стенах цветные фотопейзажи ледников и гор. В углу две пары широких горных лыж. И трудно удержаться от еще одного, последнего вопроса:

— Юрий Иосифович, горнолыжный спорт — это тоже увлечение?

— Да, и довольно давнишнее. Вот уже двадцать лет, как я все свои отпуска, за очень редкими исключениями, провожу на различных горнолыжных базах. Последние годы обживаю Памир. Как отношусь к подобному виду отдыха? А вот, видите? — И мой собеседник кивнул на красочный плакат, где на фоне манящих вершин были написаны слова: «Лучше гор могут быть только горы».

Вел беседу
Л. БАРКОВ.